

— Грех, грех, — старый монах, выплеснув гнев, тут же выразил сожаление. — Амитофо, это я погорячился.

Чунмин повернулся к Лу Лисюаню, чтобы объяснить:

— Это не просто вопрос убийства. Как только человек становится свирепым призраком, он навсегда теряет возможность переродиться, не попадает в цикл перерождений, а в худшем случае и вовсе исчезает. Кроме того, быть свирепым призраком очень мучительно — приходится постоянно убивать. Ты ведь не хочешь, чтобы твой друг оказался в такой ситуации? Лучше найти ее до того, как она начнет убивать, и тогда мы сможем ее спасти.

Лу Лисюань был в растерянности. Ему было всего пятнадцать лет, он был застенчивым и даже слабохарактерным. Эта череда событий почти сломала его.

Внезапно он почувствовал, как на его плечо легла тяжесть. Встретившись с ободряющим взглядом Чунмина, его напряженность немного ослабла, и под его успокаивающим похлопыванием он постепенно расслабился. Подумав, он наконец принял решение:

— Хорошо... хорошо, тогда я полагаюсь на вас.

Чунмин и старый монах обменялись взглядами, оба с облегчением вздохнув. Они боялись, что Лу Лисюань потребует вернуть деньги из-за неудачи с призывом духа.

Как бы то ни было, если он не будет настаивать на этом, они обещают дать ему удовлетворительный ответ.

— Вот что, — сказал старый монах. — Чунмин, завтра ты пойдешь с молодым благодетелем на место, где произошел инцидент с его другом, и разузнаешь обстановку.

— Хорошо, — Чунмин без лишних слов согласился.

Старый монах взглянул на Вэй Шуфана, подумал, но ничего не сказал.

На следующий день рано утром, позавтракав, Чунмин отправился к школе, чтобы встретиться с Лу Лисюанем, как и договорились.

Прибыв на место, он увидел, что Лу Лисюань что-то выясняет с девушкой. Девушка с хвостиком и в маске, из-под которой виднелись только глаза, пыталась вырваться из его хватки.

— Старший брат Чунмин! — увидев Чунмина, Лу Лисюань тут же позвал его.

— Лу Лисюань, отпусти меня! — девушка занервничала. — Если ты не отпустишь, я закричу!

Чунмин растерялся:

— Лу Лисюань, что ты делаешь?

Лу Лисюань ответил:

— Старший брат Чунмин, помоги мне удержать ее. Она — соседка Чжан Сыхань по комнате!

Чунмин, услышав это, шагнул вперед и встал перед девушкой, преграждая ей путь.

Девушка испугалась, собиралась закричать, но, увидев лицо Чунмина, резко остановилась. Крик застрял у нее в горле, глаза расширились, и она перестала сопротивляться:

— Я... я... я... я... я пойду!

— Хм? — Чунмин наклонил голову, его ясные глаза моргнули. Почему я должен идти?

Девушка вырвалась из рук Лу Лисюаня, выпрямилась, слегка кашлянула и мягко сказала:

— Вам что-то нужно от меня?

Через пять минут в Кентукки недалеко от школы Чунмин, Лу Лисюань и девушка Линь Сяоци устроились в углу.

— ... Все было совсем не так, Лу Лисюань, ты не можешь меня обвинять! Мы никогда не издевались над Чжан Сыхань! — Линь Сяоци сняла маску, ее лицо выражало негодование. — Мы устроили над ней травлю? Это она травила нас!

Чунмин тут же повернулся к Лу Лисюаню.

«Ты вчера говорил совсем другое».

Лу Лисюань немного заикался:

— Но... но я сам видел, что на лице Чжан Сыхань были синяки, экспертиза показала, что на теле тоже были следы, и... и в интернете все так говорят...

— А ты сам видел, как мы это делали?! — Линь Сяоци вспыхнула гневом. — Ты не видел, так почему утверждаешь, что это мы?! В интернете говорят, в интернете говорят, разве то, что говорят в интернете, всегда правда?! Они сами видели?!

Чунмин невольно кивнул. Действительно, то, что говорят в интернете, не всегда правда. Вчера его самого обманули.

Лу Лисюань съежился:

— Но... но...

Но мастер сказал, что Чжан Сыхань погибла не своей смертью.

Линь Сяоци, дыша тяжело, хотя и злилась, покраснела, и в ее глазах быстро собрались слезы. Она с силой вытерла слезы:

— Но что, что за «но»? Она просто взяла и ушла, а мы? Что будет с нами? Мы ничего не сделали, но все указывают на нас, все думают, что мы сделали что-то ужасное, что мы злые, и нам пришлось переводиться в другую школу. Даже мои родители стали объектом сплетен, и когда они приходят в школу за вещами, им приходится прятаться. Почему мне так не повезло...

Чем больше она говорила, тем больше слез катилось по ее лицу.

Чунмин растерялся, не зная, что делать. Он посмотрел на Лу Лисюаня, который тоже был в замешательстве. Оба засуетились, один достал из кармана носовой платок, другой из рюкзака — салфетки.

Линь Сяоци, словно не замечая Лу Лисюаня, взяла платок, который протянул Чунмин, и сквозь слезы сказала:

— Спасибо.

Линь Сяоци вытерла слезы, немного успокоилась и продолжила:

— С того момента, как это произошло, я объясняла полиции, учителям, одноклассникам и друзьям, но мало кто поверил. Они делали вид, что верят, но я знаю, что за спиной они точно так же, как и те, кто в интернете, ругают нас! Если бы это действительно сделала я, я бы призналась, даже готова была бы отдать свою жизнь, но это не я!

Видно было, что за этот короткий месяц она пережила огромное потрясение.

Ее обида переполняла лицо:

— Все говорят, что мы устроили травлю Чжан Сыхань, но на самом деле это она травила нас! Она была просто сумасшедшей!

Чунмин отпустил соломинку:

— Она была больна?

Лу Лисюань подошел ближе и тихо объяснил:

— Нет, это не значит, что она больна. «Сумасшедшая» — это про человека, который делает что-то безумное, ну, то, что нормальные люди не могут понять. Это ругательство...

— А, — Чунмин кивнул, поняв.

— Да, она была от замороженной фанаткой! — с негодованием сказала Линь Сяоци.

— От замороженной фанаткой? — Чунмин снова запутался.

Лу Лисюань продолжил объяснять:

— «Фанатка» — это человек, который любит знаменитостей. «Отмороженная фанатка» — это те, кто безумно преследует знаменитостей, почти теряя рассудок.

Чунмин глубоко вздохнул, восхищаясь. Китайский язык действительно бездонен.

Двоюродная бабушка была права — учиться никогда не поздно.

Линь Сяоци, очевидно, накопила много гнева и выплеснула его:

— Она сама любила Чжан Ияо, и никто ей не мешал, но она постоянно навязывала нам это, с утра до вечера, каждый раз, когда Чжан Ияо выпускала новый сериал или появлялась в новом шоу, она тащила нас смотреть, а если мы отказывались, включала на полную громкость. И еще она запрещала нам говорить что-то плохое о Чжан Ияо.

— Чэнь Сюэ не нравилась Чжан Ияо, и однажды она сказала, что та сделала пластику и плохо играет. Чжан Сыхань, услышав это, бросилась на нее, разбила ее телефон и написала оскорбления в ее учебниках. Еще она оставляла оскорбительные комментарии под постами любимой знаменитости Чэнь Сюэ. Это происходило не один раз. Мы хотели бы ладить с ней, но

как с ней ладить, если она такая? Мы уже делали все возможное, чтобы избегать ее и не обращать на нее внимания.

— А ты помнишь, как однажды классный руководитель забрал ее телефон? — она посмотрела на Лу Лисюаня.

Лу Лисюань сейчас был в замешательстве. Линь Сяоци говорила о той же Чжан Сыхань, которую знал он?

Линь Сяоци, не дожидаясь его реакции, продолжила:

— Тогда она сама была виновата. Она на уроке писала посты, защищая Чжан Ияо в споре с фанатами Линь Нана, и классный руководитель заметил это и забрал ее телефон. Она стала оправдываться, говоря, что у нее дома проблемы. Я сидела рядом и все видела! Она устроила истерику, и классный руководитель, не выдержав, вернул ей телефон. А она за его спиной говорила, что он притесняет ее из-за того, что она из простой семьи, а с детьми из влиятельных семей он ведет себя иначе. Это просто отвратительно... Ладно, в конце концов, с ней уже все случилось, так что я не буду говорить ничего плохого.

Чунмин выслушал все ее жалобы и затем спросил:

— Можешь рассказать, что произошло в день, когда с Чжан Сыхань случилось несчастье?

Линь Сяоци, почти не задумываясь, ответила:

— В тот день Чжан Сыхань вообще не пришла на уроки. Она взяла отгул и осталась в общежитии. Но когда мы вернулись в обед, ее не было, и мы не видели ее до ужина. Когда она вернулась, на ее лице уже были следы. Это совсем не так, как говорят, что мы ее избили!

Она и Чэнь Сюэ с Ван Цзяцзя уже сотни раз вспоминали тот день.

— А? — Лу Лисюань явно был шокирован.

— Я и Ван Цзяцзя даже спросили ее, что случилось, но она не только не поблагодарила, но еще и нагрубила нам, сказав, чтобы мы не лезли не в свое дело! — с ненавистью сказала Линь Сяоци. — Лучше бы мы вообще не спрашивали!

Чунмин задумался:

— Судя по всему, она не собиралась совершать самоубийство.

Авторские примечания: Комментариев всё меньше, плачу (□o□), прошу оставлять комментарии и проявлять активность!

<http://bllate.org/book/16737/1539929>